

Юлия Викторовна Аргудяева¹
argudiaeva@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ В.К. АРСЕНЬЕВЫМ ПЕРВЫХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ

В статье анализируется исследование В.К. Арсеньевым русского населения южной части Дальневосточного региона России. По дневниковым записям путешественника выделены характерные особенности жизнедеятельности первых русских крестьян и трудности, возникшие в процессе образования новых поселений. Помимо интереса самого учёного, сбор материалов о результатах крестьянского переселения на Дальний Восток был продиктован заказом со стороны власти: перед экспедициями Владимира Клавдиевича ставились задачи выявить земли, которые могут быть включены в колониционный фонд, определить их объём и изучить возможность поселения в обследуемых районах Южно-Уссурийского края. Решая эти задачи, исследователь определял качество земли и глубину пахотного слоя, виды трав на лугах, собирал сведения о реках, количестве и качестве питьевой воды летом и зимой, о степени распространения кровососущих насекомых и других условиях, важных для жизнедеятельности будущих поселенцев. Отмечается, что первые русские поселения Южно-Уссурийского края возникали как военные посты, а затем рядом с ними появлялись крестьянские деревни и хутора. Таким путём формировалась основа для постоянного населения, необходимого для окончательного закрепления России на восточных рубежах. Обращается внимание на изменения в хозяйственных традициях крестьян, которые стали результатом влияния специфических социально-экономических и природных условий нового местожительства. В.К. Арсеньев в своих произведениях показывает сложности адаптации вятских, пермских и тамбовских крестьян, переселившихся на побережье Японского моря.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, русские, крестьяне, переселения, адаптация, русские традиции в хозяйственной деятельности.

Yulia V. Argudiaeva¹
argudiaeva@mail.ru

V.K. ARSENYEV'S RESEARCH OF THE FIRST RUSSIAN SETTLEMENTS OF THE SOUTH USSURI REGION

The article analyzes the study of V.K. Arsenyev of the Russian population of the southern part of the Far Eastern region of Russia. According to the traveler's

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

diary entries, the specific features of the life of the first Russian peasants and the difficulties that encountered in the process of forming new settlements are highlighted. In addition to the interest of the scientist himself, the collecting of materials on the results of peasant resettlement to the Far East was dictated by an order from the authorities: Arsenyev's expeditions were tasked to identify lands that could be included in the colonization fund, determining their volume and studying the possibility of settling in the surveyed areas of South Ussuri region. Solving these problems, the researcher determined the quality of the land and the depth of the arable layer, the types of grasses in the meadows, collected information about rivers, the quantity and quality of drinking water in summer and winter, the degree of distribution of blood-sucking insects, and other conditions important for the life of future settlers. It is noted that the first Russian settlements of the South Ussuri region arose as military posts. And then peasant villages and farms appeared next to them. In this way, the basis for a permanent population was formed, which was necessary for the final consolidation of Russia on the eastern borders. Attention is drawn to the changes in the economic traditions of the peasants, which were due to the specific socio-economic and natural conditions of the new place of residence. V.K. Arsenyev in his works shows the difficulties of adapting the Vyatka, Perm and Tambov peasants who moved to the coast of the Sea of Japan.

Keywords: V.K. Arsenyev, Russians, peasants, resettlement, adaptation, Russian traditions in economic activity.

Начало освоения южных территорий Дальнего Востока было положено русскими — казаками из Забайкалья и крестьянами. Особый интерес для нас представляли крестьяне, обосновавшиеся в низовьях р. Амур, а в середине XX в. перебравшиеся на морское побережье Южно-Уссурийского края (Приморья).

Первые переселения на р. Амур 50 крестьянских семей из Иркутской губернии и Забайкальской области (474 души обоого пола), назначенные вначале на Камчатку [1, с. 16; ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. Карт. 2102. Л. 33], были осуществлены Н.Н. Муравьёвым в 1855 г. Участникам обещали освобождение на 20 лет от платежа податей, а также от денежных и натуральных повинностей. Крестьянские семьи отправились в низовья р. Амур 14 мая 1855 г. так называемым вторым сплавом под руководством и с непосредственным участием Н.Н. Муравьёва. Крестьяне были размещены на 12 баржах, скот и несколько тысяч пудов сена отправили на отдельных судах. Сплав проходил тяжело: около трёхсот голов скота погибло, среди людей вспыхнул тиф. Однако, преодолев все лишения и неурядицы, 13 июня 1855 г. крестьяне прибыли в созданный ранее Мариинский пост. Места для их поселения — между Николаевским и Мариинским постами — были определены Г.И. Невельским. Так в 1855 г. в низовьях р. Амур возникло несколько первых крестьянских деревень [9, с. 54] — Богородское, Воскресенское, Иркутское,

Михайловское, Ново-Михайловское и Сергиевское — с незначительным населением: «В Иркутском было 7 дворов (50 чел.), в Богородском — 10 (50 чел.), в том числе семьи Романа Афанасьева, Ивана Вьюшкова, Еремея и Фирса Григорьевых, Алексея Дьячкова, Никиты Карелина, Андреана Котина, Спиридона Мальцева, Семёна Пашкеева, Алексея Симонова» [11, с. 65]. Самым населённым было с. Михайловское — в 25 дворах проживало 184 чел. — «это многочисленные по составу домохозяйства Павла Соколова, Ильи Воропаева, Василия Вершинина, Никиты Максимова, Анания Низовского, Семёна Шелковникова и др.» [11, с. 66].

Однако этого количества жителей для освоения земель по берегам огромной реки Амур было явно недостаточно, и, чтобы не обезлюдить малонаселённые сибирские и забайкальские земли, правительство приняло решение переселить крестьянские семьи из внутренних губерний России. Для этого были отобраны 138 семей из Вятской губернии, 50 — из Тамбовской, 41 — из Пермской, 14 — из Воронежской. К ним присоединили 4 семейства «самовольно зашедших в Томскую губернию» крестьян из Орловской губернии. В конце 1859 г. 230 семей (1770 чел.) прибыли в Иркутск. В январе 1860 г. они вышли к Чите, откуда с открытием навигации были сплавлены на плотках и баржах в Приморскую область, в Хабаровку. Остальные семьи, зазимовавшие по разным причинам в пути, отправили на Амур в 1861 г. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. Л. 37].

Прибывшие в Приамурье крестьяне расселялись в Софийском округе Приморской области, на заранее выбранных местах между Хабаровкой и Мариинском. В 1860 г. от Хабаровки вниз по Амуру возникли новые селения, основанные крестьянами Воронежской, Вятской, Пермской, Тамбовской губерний: Воронежское, Вятское, Сарапульское, Троицкое, Жеребцовское (Бирминское), Яблоновое, Тамбовское (Горин), Пермское. Эти селения стали основой для почтовых станций на тракте в 618 вёрст от Хабаровки к Николаевску. Остальные 26 семей крестьян Вятской и Пермской губерний образовали в предместье Мариинска селение Кизи. В июне 1861 г. прибыли последние 17 семей вятских крестьян, которые в 61 версте от Хабаровки вниз по Амуру образовали селение Малышевское [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 59. Карт. 1655. Т. 2. Л. 370 об.].

По свидетельству приморских краеведов, основателями с. Троицкого были Арзамасовы, Астафуровы, Гамаюновы, Ждановы, Колягины, Комаровы, Кочергины, Лопухины, Мамоновы, Мякишевы, Напольские, Новосёловы, Плетнёвы, Плотниковы, Поповы, Пыркеры, Слугины, Толкановы и Чурсины; основателями селения Пермского (ныне на этом месте стоит г. Комсомольск-на-Амуре) — Барановы, Барковы, Боровы, Горшковы, Ждановы, Кузнецовы, Пермяковы, Пестерева, Силины и Цивелёвы [10, с. 6; 13, с. 5]. Представители именно этих фамилий переедут впоследствии в Южно-Уссурийский край.

Далеко не все выбранные под селения места были признаны удобными «для хлебопашества и для промышленности». Крестьяне отправились далее и в 1861 г. образовали по берегам Амура ещё несколько населённых пунктов: Петропавловское, Малмыж, Нижнетамбовское, Верхнетамбовское, Софийское, Орловское, Оханское, Шелиховское, Литвинцевское, Зелёный Бор [2, с. 17].

Продолжительные переезды и обустройство, специфические социально-экономические и природные условия нового местожительства внесли существенные коррективы в материальный быт и структуру крестьянских занятий, обусловили смену хозяйственных традиций. Некоторые оставили хлебопашество и стали заниматься извозом, сенокосением, освоили охоту, рыболовство и связанные с этими занятиями производства (бондарное, клёпачное и др.). Часть крестьян, не захотевших расстаться с хлебопашеством и убедившихся в плохих условиях для него на Амуре, в 1862 г. выехали в Амурскую область — 12 семей из Хабаровки, Троицкого, Пермского; кроме того, некоторые крестьяне из Воронежского в 1863 г. переехали в Южно-Уссурийский край и на берегах оз. Ханка образовали селение с аналогичным названием. Около 200 чел. из Троицкого, Пермского, Оханского и Тамбовского переселились в 1863—1864 гг. к зал. Св. Ольга, а пять семей из Жеребцовского — в гавань Находка на побережье Японского моря [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 249. Карт. 1666. Т. 2. Л. 338 об., 340].

Так в 60—70-е гг. XIX в. в Южно-Уссурийском крае возникло несколько районов крестьянской колонизации — район б. Ольга, южное побережье оз. Ханка, сёла Никольское, Шкотово и Владимиро-Александровское. Каждая из этих территорий имеет специфическую историю формирования населения и его этнокультурного развития, особенно во второй половине XIX — начале XX в., когда земли Приморья интенсивно осваивались восточнославянским, в том числе русским, крестьянским населением. Для исследователей эти территории представляют интерес и в связи с тем, что о них, за исключением нескольких работ, мало что известно [4, с. 128—146].

В этом отношении важно проанализировать дневниковые записи и публикации известного путешественника, этнографа и писателя В.К. Арсеньева, посетившего Южно-Уссурийский край.

В районе б. Ольга на побережье Японского моря в 50-е гг. XIX в. возник удобный по своему расположению военный пост Святой Ольги. По публикациям В.К. Арсеньева, первой постройкой, которая появилась в Ольгинском посту в 1854 г., была матросская казарма [6, с. 158]. Вот что пишет В.К. Арсеньев в своём дневнике во время путешествия в 1906 г.: «Северо-восточная часть (залива Св. Ольги. — Ю.А.) образует бухту „Тихая Пристань“, соединённую с большим заливом узким проливом... На противоположном берегу „Тихой Пристани“ находится русское

селение П[ост]. Св. Ольги, где находится резиденция местного Станового Пристава, Лесничего, есть деревянная церковь с причтом, деревянная больница при одном фельдшере и ещё один фельдшер находится в д. Милоградово, две мелочные лавки, почтово-телеграфное отделение и почтовая станция. В П. Св. Ольги находится военная команда в 11 чел. солдат при унтер-офицере»² [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а — 71а об.].

Далее В.К. Арсеньев сообщает в дневнике дату образования в Ольгинском стане первых поселений, однако эти сведения расходятся с теми, которые он опубликовал позже. По его мнению, первые поселения военных относятся к 1859 г., а не к 1854 г., как об этом он писал в своих публикациях [6, с. 158; 5, с. 128]. Вот что он отмечает в путевом дневнике № 1 за 1906 г.: «Первое поселение здесь матросов относится к 1859 году. Когда некоторые из отставных матросов распахивали землю в верстах 11 от залива, образовали посёлок Павловский (Фудин)...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а об.]. Возникновение второго поселения в этом районе — д. Новинка — В.К. Арсеньев относит к 1862 г. [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а об.].

По-другому датируют образование первых поселений в бухте Св. Ольги иные исследователи. Так, по данным заведующего Переселенческим управлением в Южно-Уссурийском крае в 80—90-е гг. XIX в. Ф.Ф. Буссе, первое гражданское население прибыло в этот район осенью 1860 г. 22 сентября 1860 г. из Николаевска-на-Амуре были отправлены в гавань Св. Ольги из числа ссыльных 4 мужчины и 3 женщины. Они были водворены в пос. Новинка, расположенный в полутора верстах от военного поста. Через год, также осенью, туда прибыли ещё четыре семейства из той же среды. Все они жили практически на государственной дотации. Им выдавался для прокормления провиант, причём мужчины старше 15-летнего возраста получали по полному солдатскому пайку, мальчики младшего возраста и представительницы женского пола — по половине пайка. Помимо этого, на каждое хозяйство полагались одна лошадь, одна корова, две овцы и некоторое количество семян. Однако в связи с тем, что ссыльные прибыли на новое место жительства поздней осенью, сена для скота заготовили мало, причём некачественного. В итоге зимой пал весь скот, а выданные семена весной не дали всходов, из-за чего власти и в следующем году были вынуждены вновь оделить всех переселенцев такими же пособиями, добавив плуги и некоторые инструменты. Однако хозяйство у них развивалось плохо, и причину этого Ф.Ф. Буссе видел в том, что ссыльные отвыкли от земледельческого труда. К тому же для развития традиционного хозяйства необходим и женский труд, но жившие среди

² Здесь и далее в тексте сохранена орфография источника.

ссылных мужчин женщины не были с ними повенчаны и, «переходя от одного хозяина к другому, служили яблоком раздора, а не основой хозяйства» [7, с. 24]. В итоге, чтобы осуществить своё жизнеобеспечение, эти поселенцы-новосёлы перебивались случайными заработками в гавани и некоторыми промыслами.

В 1862 г. бессрочно отпускными нижними чинами, доставленными в гавань Св. Ольги, в 8 верстах от устья р. Авакумовки (Вай-Фудин), впадающей в гавань, была основана деревня Фудин. Для развития хозяйства в 1862 г. по заказу начальника поста Св. Ольга на транспорте «Японец» были доставлены 2 пуда 5 фунтов овса, 3 пуда 30 фунтов ячменя, 1 пуд 15 фунтов гречихи, 2 пуда 36 фунтов пшена, 3 пуда гороха, 10 пудов картофеля, 1 пуд 20 фунтов ржи, 4 пуда 25 фунтов кукурузы, 5 пудов 15 фунтов пшеницы и скот (один бык, 6 коров, 12 кур и 14 овец), из сельхозинвентаря — пять пар сох, 5 плугов, 14 кос-литовок, 7 топоров американских и столько же русских [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 143].

Несмотря на такую помощь, и этот контингент не мог хорошо развить хлебопашество, так как из 15 мужчин только 4 были семейные, остальные — бобыли, которые не могли правильно хозяйствовать. Каждому из мужчин выдали безвозвратно по 130 руб., но этого было недостаточно для становления крестьянского хозяйства, поэтому его основали только 2—3 семьи, а остальные кормились охотой [7, с. 24].

Интересные наблюдения сделал в гавани Св. Ольги командир винтовой шхуны «Сахалин» лейтенант Свиныйн. Он, отправляясь из Хоккайдо в Николаевск, по приказу контр-адмирала Попова зашёл в некоторые порты, в том числе в гавань Св. Ольги. Об этом он докладывал в комитете Сибирской флотилии контр-адмиралу Казакевичу в июне 1863 г. и охарактеризовал положение членов команды в посту Св. Ольги, отметив ряд моментов их жизнедеятельности, встревоживших его. В частности, в своём рапорте он пишет: «Лазарет и Аптека в Ольге находится в таком виде, что нельзя не обращать внимание... лазарет или удобное помещение для больных почти не существует, как вещей лазаретных, как то кроватей, постелей, белья и прочей необходимости... совсем нет, так и лекарств никаких нет, несмотря на то, что там команда есть, надо прибавить к этому, что аптекой этой должны пользоваться ещё поселенцы и местные жители тазы, манзы, которые нередко обращаются за помощью медицины, то в таких обстоятельствах хорошую полную Аптеку необходимо...» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 279. Л. 9].

Навестил Свиныйн и обе деревни первых поселенцев — Новинку и Фудин, отметив незавидное положение жителей, состоявших из штрафованных людей и отставных военных. И те, и другие не занимались прежде хозяйством, к тому же, по мнению Свинына, обеспечение казённым провиантом делает их очень беспечными. И хотя они посеяли хлеб в 1863 г., но не такое количество, чтобы можно было прокормить

себя на будущий год. Значит, по его мнению, они снова войдут в долги, но выплачивать их очень трудно, так как заработков на стороне нет и они уже в долгу у китайцев, которые их снабжают коровами и лошадьми. Поселенцы вновь ждут помощи от казны, но она не настолько велика, чтобы можно было заплатить долг за скот и приобрести у китайцев необходимые в хозяйстве инструменты, которые стоят довольно дорого. Положительным у переселенцев Свиный считал только разведение в достаточном количестве огородных культур и получение приплода от выданных им овец, которых к 1863 г. развелось до 40 штук [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 279. Л. 9].

Понимая, что для развития земледелия необходимы люди, знающие и любящие этот труд, сохраняющие земледельческие традиции, Свиный отмечает в своём рапорте: «...чтобы подвинуть быстрее этот край на путь развития, нужна рука честного и с любовью преданного своему делу, и потому для заселения этого края нужно привлечь туда честных земледельцев и какой бы они народности не были. Это всё равно лишь бы пришли с охотой к труду» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 279. Л. 9].

Свиный полагал, что таким народом могли быть и китайцы, которые «...хотят сблизиться (с русскими. — Ю.А.) даже до того, что некоторые из богатых манз говорят, что приняли бы нашу религию и женились бы на русских женщинах, каких они не видят в Ольге» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 279. Л. 9]. Пока же, полагал он, необходимо русских поселенцев, обосновавшихся в деревнях вблизи поста Ольга, содержать на средства правительства ещё в течение года; в гавань прислать медика и священника; разрешить поселенцам-земледельцам сдавать в казну (начальнику поста) хлеб за условленную плату (кто сколько сможет); «...устроить в Ольге казённую ферму, откуда смогли бы снабжать переселенцев хорошим и дешёвым скотом» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 279. Л. 9].

О том, что восточное побережье Приморья надо заселять крестьянами, которые могли бы обеспечить хлебом не только себя, но и располагавшийся здесь военный контингент, знало и высшее чиновничество. Это отвечало и желаниям некоторых крестьян, переселившихся в 1860—1861 гг. в низовье р. Амур. В начале 1860-х гг. часть этих крестьянских семей, обосновавшихся на Амуре, решила переместиться на юг Приморья, в район гавани Св. Ольги. Убедившись в неважных условиях для развития хлебопашества на амурских берегах и желая побыстрее освоить малозаселённую южную часть Приморья, губернатор Приморской области разрешил некоторым (чтобы не обезлюдить низовья Амура) крестьянам Софийского и Николаевского округов выбрать удобные для переселения места в этом районе.

3 сентября 1863 г. земский исправник Софийского округа Приморской области доносил военному губернатору, что на его предписания о вызове крестьян, желающих переселиться в южные гавани области,

откликнулись четыре крестьянских семейства из с. Пермского Софийского округа: Иван Васильевич Пермяков, Ефим Иванович Жданов, Семён Филимонович Баранов и Пантелей Андреевич Пестерев [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 241. Л. 1]. Все указанные семьи выехали в Приамурский край из разных селений преимущественно Пермской губернии в 1859 г., в основном в составе 1-й Пермской партии. Эти крестьяне часть своего имущества продали в приамурских сёлах, часть повезли с собой, в том числе определённые наборы крестьянской сельскохозяйственной техники, хлебных злаков и носильной одежды [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 68—141].

Софийский земский исправник отправил этих крестьян в залив Св. Ольги на пароходе «Буксир», выделив им (под квитанцию) на проезд от г. Николаевска до гавани Ольга 8 пудов муки (по 2 пуда на семью) [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 241. Л. 1].

Безусловно, эти четыре семьи были только первой ласточкой в освоении крестьянами Приморья. Число желающих переселиться в этот район непрерывно росло. Уже летом 1864 г. перебраться в Приморье из приамурских селений Троицкое и Пермское также решили 150 и 40 чел. соответственно [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 241. Л. 1].

Сопроводять их было поручено чиновнику особых поручений при военном губернаторе Приморской области коллежскому асессору Г. Бровицитину [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 67] (по другим документам Бровцитину. — Ю.А.). Из его рапортов военному губернатору Приморской области можно узнать некоторые подробности переселения крестьян с Амура в гавань Св. Ольги в 1864 г. В частности, 18 августа 1864 г. он сообщал, что согласно предписанию губернатора от 22 мая 1864 г. он 23 мая этого же года «...отправился на пароходе „Чепик“ с баржою на буксире для отвоза крестьян Софийского округа, переселяющихся в одну из южных гаваней.

3 мая [1864 г.] прибыл в селение Троицкое (на Амуре. — Ю.А.), объявляя по дороге, чтобы крестьяне лежащих на пути селений изготавлялись к переселению.

Всех поименованных крестьян в приложенном списке разделили на две категории: а) те, которые подлежат переселению по представлению Софийского исправника как вредные для округа; б) по собственному желанию переселяющиеся в гавань Св. Ольги.

Крестьян первого разряда 18 семей, второго — 21 семья.

Из первых не было взято 8 семейств. Взамен по перечислению исправника Новицкого, я взял не поименованных в списке крестьян Троицкого селения... Корнила Комарова, оказывавшего неповиновение и неоднократно замеченного в беспорядках.

Из крестьян, назначенных к переселению по собственному их желанию, двое, а именно Василий Завалин и Тимофей Петышин, отложили

свои направления и убедительно просили меня оставить их на месте. Я, имея в виду ходатайство за них исправника, а главным образом, что у них довольно много (около 30 пудов) разного рода хлеба, а также предвидя недостатки помещения на барже, согласился их оставить.

Поименованный в списке крестьянин Андрей Корчагин хотя мною и взят, но он не составляет отдельной семьи, а входит в состав так же назначенного к переселению семьи Никиты Колягина... (неразборчиво. — Ю.А.) из Пермского селения двух крестьян, не поименованных в списке, а именно Петра Горшкова и его брата Якова Горшкова, Фёдора Баранова.

Таким образом, при мне состоит 11 семейств, переселяемых по представлению исправника, и 18 семейств, представленных по собственному желанию. Всего с детьми 87 человеческих душ мужчин и 49 женского пола. При них скота 119 штук, зернового хлеба 201 пудов, провианту 227 пудов.

Хотя у 29 семейств состоит скота до 120 штук, но есть семьи, у которых до 4-х, у которых нет ни одной скотины и у 15 только есть лошадь. Но есть семьи, у которых до 30 штук скота. Так, например, у крестьянина Троицкого селения Егора Арзамасова и у трёх семейств также Троицкого селения есть 8—15 штук скотины. Зерновой [хлеб] распределён более равномерно. Хотя у крестьянина с. Пермского Федосия Силина 57 пудов.

Мука выдана крестьянам из казённых складов взаимобразно в качестве морячного поденного пайка.

Выданный крестьянам взаимобразно от правительства скот за исключением данного им в первый раз их прихода на Амур они имели в количестве 8 лошадей и 4 коров.

Дома свои крестьяне частью продали оставшимся крестьянам под расписку сельскому старшине на сохранение...

Крестьяне выручили наличными деньгами в Троицком селении до 320 руб. В Пермском 113 руб.

Во время пути до Николаевска погиб один телёнок, упавший в воду. Останавливаться было поздно, так как никто этого не заметил и при том было довольно сильное волнение.

Выйдя из Пермского селения после погрузки крестьян, когда ещё не уложили в трюм их вещи, поднялось сильное волнение, и от качки упали за борт стоявшие на палубе три большие бочки, наполненные крестьянским имуществом. Это всё погибло. Мною строго запрещено продавать крестьянам что-либо из их имущества в особенности скота. Впрочем, телят и в особенности бычков я разрешил продавать им по личному моему разрешению, потому что телята у крестьян сомнительно, чтобы выдержали путь морем, так как по дороге до Николаевска они значительно похудели» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 68].

Далее Бровцитин сообщает некоторые подробности плавания крестьян-переселенцев:

«На время пути из Николаевска в гавань Св. Ольги я приказал крестьянам переселенцам заготовить для их пищи достаточное число сухарей, кроме которых у крестьян не было никакой провизии.

Они начали (неразборчиво. — Ю.А.) ...где мы стояли трое суток закупать рыбу, которая в скором времени испортилась и начала распространять по всему судну нестерпимую вонь. Команда транспорта во избежании болезни просила меня приказать выбросить эту рыбу за борт. Так что крестьяне на довольно продолжительное время пути до Дуэ употребляли в пищу одни сухари стали заметно ослабевать, более всего отразилось на женщинах и детях.

Такая пища могла оказаться вредной для здоровья. Могла появиться цинга.

Принимая во внимание такое обстоятельство, но не желая, с другой стороны, увеличивать долг крестьян, зная, что большая часть из них не в состоянии заплатить сейчас, я приказал составить из них списки и брать некоторую свежую провизию с судовых запасов. С тем, чтобы деньги были уплачены сейчас же, но крестьяне и в особенности те, которые более нуждались в свежей провизии, объявили, что они не имеют у себя заплатить сейчас и просили удержать за неё. Я разрешил, чтобы они через год уплатили, им было выдано [на] 265 руб. 76 2/4 коп. разной провизии. Из них 11 руб. 76 коп. мною взыскано...» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 102].

Спустившись по Амуру и перейдя море, по воспоминаниям Ф.А. Силина, потомка одного из переселенцев, на пароходе «Чепик» (а по другим его воспоминаниям, на пароходах «Шилка» и «Аргунь»), эти крестьяне высадились в бухте Св. Ольги, где неподалёку от военного поста и обосновались на жительство. В Ольге в то время было только два домика — матросов Чиркова и Кустова, и пять семей поселенцев. По другим воспоминаниям Ф.А. Силина, в бухте Св. Ольги уже жили 4 матроса: Кустов, Саушка, Чирков и Аввакумов [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 108].

Всего переселилось в 1864 г. в гавань Св. Ольги более трёх десятков крестьянских семей — выходцев преимущественно из Вятской, Пермской, Тамбовской губерний, которые перебрались в Приморье из различных селений Софийского округа Приморской области. В частности, из амурского с. Троицкое прибыли в гавань Св. Ольги семьи Тихона Мякишева, Павла Новосёлова, Семёна Астафурова, Никиты Колягина, Павла Мамонтова, Исая Толканова, Филиппа Комарова, Трофима Жданова, Якова Попова, Сергея Попова, Егора Арзамазова, Николая Попова, Фёдора Плетнёва, Василия Петышина, Архипа Петышина, Ивана Чурсина, Петра Гамаюнова, Сидора Плотникова, Степана Мякишева, Корнила

Лапухина, Ивана Астафурова, Герасима Пыркова, Корнила Комарова, Никифора Слугина, Фёдора Напольского.

Из расположенного на р. Амур с. Пермского (Мылки) в гавань Св. Ольги переселились крестьянские семьи Феодосия Силина, Афанасия Цивилёва, Фёдора Баранова, Якова Горшкова, Петра Горшкова, Степана Варова (Ворова).

Из с. Охотского (Гекан) на Амуре прибыли в Св. Ольгу семьи Якова Бажутина и Митрофана Корзухина. Амурское селение Тамбовское (Горин) покинуло и семейство Ивана Непрокина.

Таким образом, всего за 1863—1864 гг. из приамурских селений прибыло в гавань Св. Ольги 200 чел., которые обустроили два новых поселения — Пермское и Арзамасовку [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 102].

Удалось выявить и «материнские» корни переселившихся в эту часть Приморья глав крестьянских семейств.

Так, из свидетельств приморских краеведов известно о главе семьи Мякишевых — Спиридоне Мякишеве, который отправился на Дальний Восток 13 мая 1859 г. с семьёй из восьми душ [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.] из с. Кильменского Кильменской волости Малмыжского уезда (округа) Вятской губернии. Спиридон Мякишев и его сыновья Тихон и Степан отправились на Дальний Восток в числе переселенцев, сгруппированных в 4-ю Вятскую партию, гужевым транспортом. Они стали одними из основателей с. Троицкого (Доля) Софийского округа Приморской области. Семьи Тихона и Степана Мякишевых, судя по всему, к моменту переезда в район бухты Св. Ольги, в с. Фудин, отделились от семьи своего отца.

Семейство Павла Новосёлова числом пять душ отправилось в Дальневосточный регион также в составе 4-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.].

Семья Семёна Астафурова переселилась в Приамурье из с. Татыново Горельской волости Тамбовской губернии. Одновременно с ними отправились и их родственники, также жители Тамбовской губернии, семья Ивана Астафурова (село то же), Панкрата Астафурова (с. Московское той же волости и округа) и Якова Астафурова [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 329—335 об., 336—338; Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 85—95]. Семья Семёна Астафурова переселялась в составе пяти душ; ей во время квартирования в пути в Иркутском округе было выдано на приобретение зимней одежды от казны 27 руб. Семейство Ивана Астафурова состояло из семи душ; им на тёплую одежду выдано 25 руб. 25 коп. Семья Якова Астафурова на момент переезда состояла из семи душ, ей на приобретение тёплой одежды выдали 21 руб. 60 коп. И наконец, семья Панкрата Астафурова переселялась в составе четырёх душ, получив в пути на приобретение тёплых вещей 20 руб. 55 коп. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. Семён и Иван Астафуровы — одни

из основателей амурского селения Троицкого (Доля) в Софийском округе Приморской области. Иван Астафуров поселился в 1864 г. в д. Новинка, вблизи военного поста на берегу бухты Св. Ольги; в 1878 г. переехал в с. Шкотово, недалеко от г. Владивостока, где и умер. Семён Астафуров обосновался, скорее всего, в с. Пермском Ольгинского уезда Приморской области, во всяком случае, он там умер в ноябре 1892 г. [13, с. 8].

Из числа тамбовских крестьян были и Калягины (Колягины). Никиту Калягина мы не обнаружили в списке крестьян-переселенцев в низовья Амура, но там был указан Николай Калягин, выходец из с. Куксово Горельской волости Тамбовского округа Тамбовской губернии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 85—95], и тоже уроженец Тамбовской губернии Семён Калягин. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. Семья Семёна Калягина переселялась в составе 19 душ; во время зимовки в Иркутской губернии ей было выдано на приобретение тёплой одежды денег в сумме 72 руб. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. Возможно, Никита Калягин переселялся на Амур в составе семейства Николая или Семёна Калягиных, а затем выделился в самостоятельное домохозяйство.

Павел Мамонтов, земляк Николая Калягина, тоже выходец из с. Куксово Горельской волости Тамбовского округа Тамбовской губернии, переселялся с семьёй в восемь душ; получил на приобретение тёплой одежды 16 руб. 20 коп. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 329—335 об., 336—338; Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 85—95, 324—325].

Семейство Исая Толканова в списках переселявшихся в низовья р. Амура мы не обнаружили. Однако в числе переселенцев из Вятской губернии была семья Василия Толканова (девять душ), направлявшаяся в Приамурье в составе 4-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.]. Можно предположить, что Исай и Василий Толкановы являются родственниками, возможно, Исай — сын Василия.

Семья Трофима Жданова (четыре души) выехала в Приамурский край из починка Кошелапова (Косолаповска?) Карлыганской волости Сарапульского округа Вятской губернии в составе 7-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 17—17 об., 18, 23—25, 30—31, 40—41, 45—45 об., 46, 47—47 об., 326—328]. Выше мы уже говорили, что в числе первых четырёх семейств, переселившихся с р. Амур в гавань Св. Ольги, была семья Ефима Жданова, выходца из Пермской губернии. Вполне возможно, что Трофим и Ефим Ждановы — родственники, а Пермская губерния была промежуточным звеном в миграции русских крестьян за Урал, так как переезд в Приамурье — третий этап миграции некоторых русских крестьян в восточные регионы страны.

Семейства Якова Попова (четыре души) и Сергея Попова (три души) переселялись в Приамурье, по одним данным, в составе 7-й Вятской

партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328], по другим — Яков и Пимон Поповы (оба выходцы из починка Ухтинского Толокмачинского (Толокисоческого?) общества Нолинского округа Вятской губернии) шли в составе 9-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 123—123 об., 129, 169—169 об., 170, 171—171 об., 173—173 об., 174, 175—175 об., 176, 177—177 об., 178, 272, 423; Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 17—17 об., 18, 23—25, 30—31, 40—41, 45—45 об., 46, 47—47 об.]. Известны ещё семьи переселенцев Поповых. Тихон Попов с небольшим семейством (три души) выехал на Дальний Восток не из Вятской, а из Пермской губернии в составе 1-й Пермской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328]. Гавриил Попов с семьёй в семь душ отправился на Амур из с. Солдатская Вихлейка Тамбовской губернии в составе 3-й Тамбовской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 85—95]. Из каких мест выехала семья Николая Попова, пока выяснить не удалось, возможно, это выделившаяся семья женатого сына одного из указанных выше Поповых. Безусловно, фамилия Поповых была довольно распространена в России, поэтому определить генетическое родство её носителей непросто. Но вероятно, как и в случае с другими семейными коллективами приамурских переселенцев, такая ситуация свидетельствовала о третьей и последующих миграциях русских крестьянских семей, о постепенном распространении русской традиционной культуры в восточные регионы страны.

Семейство Филиппа Комарова (восемь душ) переселялось в составе 4-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328]. Семья Корнила Комарова в списках переселенцев на Амур не числилась. Вполне возможно, что 38-летний Корнил — сын 61-летнего Филиппа. В пользу этого предположения говорят факты, что обе семьи прибыли в район бухты Св. Ольги из с. Троицкого на Амуре, куда семья Филиппа переселилась в составе восьми душ, а на побережье Японского моря в каждом из этих семейств было по четыре души.

Семья Егора Арзамазова в момент переселения считалась по своей численности большой — 14 душ. Как и некоторые другие семейства, она пережидала зимние холода 1859—1860 гг. в Иркутском округе Иркутской губернии, где им на приобретение тёплой одежды от казны было выдано 39 руб. 60 коп. Семейство происходило из Тамбовской губернии и шло на восток страны в составе 2-й Тамбовской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325].

Семейство Фёдора Плетнёва (шесть душ) направилось в Приамурье в составе 4-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328].

Семья Василия Петышина прибыла на Амур из Вятской губернии. В некоторых документах Петышины проходят как Пятышины или Пятышевы, что следует отнести, скорее всего, к небрежности составления

переселенческой документации. В.К. Арсеньев в своих публикациях потомка этих переселенцев называет Пятышкин [5, с. 129]. Так, по некоторым документам Василий и Павел Пятышины были выходцами из Уваткулинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. Они переселялись в Дальневосточный регион в составе 2-й Вятской партии. В семьях Василия и Павла Пятышиных было по восемь душ, у отправившегося вместе с ними Игнатия Пятышева — 13 душ [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 123—123 об., 129, 169—169 об., 170, 171—171 об., 173—173 об., 174, 175—175 об., 176, 177—177 об., 178, 272, 423; Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 17—17 об., 18, 23—25, 30—31, 40—41, 45—45 об., 46, 47—47 об., 326—328]. Архип Петышин выехал в Приамурье, скорее всего, в составе одной из указанных выше семей и со временем выделился в самостоятельный семейный коллектив.

Судя по архивным документам, в Приамурье в составе 2-й Тамбовской партии отправились две семьи Чурсиных, их глав звали Иванами. Семья одного из них состояла из семи душ; ей было выдано во время пребывания зимой 1859—1860 гг. в Иркутском округе тёплой одежды на сумму 15 руб. 20 коп. Семья второго Ивана Чурсина переселялась в составе пяти душ; она была снабжена одеждой на сумму 26 руб. 10 коп. Вместе с ними в этой же партии отправился на переселение и Викул Чурсин, семья которого состояла из пяти душ; ей было выделено во время квартирования в Иркутской губернии тёплых вещей на сумму 30 руб. 52,5 коп. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. В другом документе сообщалось, что Викул и Иван Чурсины — выходцы из с. Сырского Сырской волости Липецкого округа Тамбовской губернии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 329—335 об., 336—338].

Также из Тамбовской губернии Липецкого округа Куйманской волости с. Куймани в составе 2-й Тамбовской партии выехали на Амур семья Петра Гамаюнова и несколько семейств Слугиных, во главе которых стояли Антон, Тарас и Фёдор. Причём семья Фёдора Слугина состояла из 12 душ, ей при отправке из Иркутской губернии выдали тёплой одежды на сумму 38 руб. 70 коп.; в составе семейства Тараса Слугина было 18 душ — им выдано одежды на 28 руб. 80 коп.; в составе семьи Антона Слугина переселялось шесть душ, одежды выдано на 26 руб. 10 коп. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. В район бухты Св. Ольги перебралась семья Никифора Слугина, которая в списках переселявшихся на Амур не числилась. Скорее всего, это было семейство одного из взрослых сыновей, выделившееся из семьи либо Антона, либо Тараса, либо Фёдора Слугиных [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 329—335 об., 336—338].

Переселившийся в район бухты Св. Ольги Сидор Плотников, очевидно, состоял в родстве с Иваном Плотниковым, который приехал в Приамурье из Вагинского общества Козловской волости Орловского

округа Вятской губернии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Л. 123—123 об., 129—129 об.; Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 17—17 об., 18, 23—25].

Семейство Корнилия Лопухина (шесть душ) также шло на восток в составе 4-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.].

Семья Герасима Пыркова (шесть душ) переселялась на Дальний Восток в составе 2-й Тамбовской партии; для приобретения тёплой одежды ей выдали 27 руб. [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. Герасим Пырков переселялся из Хрущевской слободы Сырской волости Липецкого округа Тамбовской губернии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 2. Л. 329—335 об., 336—338].

Последним в списке переселившихся семей в район бухты Св. Ольги из возникшего на Амуре с. Троицкого был Фёдор Напольский (Напольских), прибывший на побережье с семьёй в составе шести душ (в том числе годовалый ребёнок, по всей вероятности, родившийся уже на Амуре); судя по всему, он сын Михайлы Напольских, отправившегося в Приамурье с семьёй в восемь душ в составе 4-й Вятской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.].

Напомним, что из с. Пермское Софийского округа Приморской области в район бухты Св. Ольги перебрались семьи Феодосия Силина, Афанасия Цивилева, Фёдора Баранова, Степана Варова, Якова и Петра Горшковых.

Заметный след в истории Приморья оставили Силины. Семья Феодосия Силина (шесть душ) переселилась в Приамурье в составе 1-й Пермской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.]. Краеведы Приморья, основываясь на воспоминаниях потомков Силиных, приводят неоднозначные свидетельства о «материнских» корнях этого семейства. Так, В.П. Хохлов считает, что Силины, как и переселившиеся в район бухты Св. Ольги Цивилевы (Цывилевы), происходят из Поташинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии, а А.П. Ковальков, опираясь на воспоминания одного из потомков Феодосия, склонен считать Силиных выходцами из Малососновской волости Оханского уезда Пермской губернии [10, с. 6]. В 1860 г. Феодосий стал одним из основателей с. Пермского в Софийском округе Приморской области на р. Амур. Весной 1864 г. он с двумя своими сыновьями — Андреем и Тимофеем — и односельчанами добрался до поста Св. Ольги, где вместе с другими крестьянами-переселенцами основал в Ольгинском уезде селение, назвав его Пермское (как и на р. Амур), т.е. созвучное имени родной губернии. Сын Андрея — Семён Андреевич, по сообщению приморских краеведов, встречался с В.К. Арсеньевым в 1906 г. (а возможно, ещё и в 1911 г.) [10, с. 20]. Другой его сын — Фёдор Андреевич — стал знаменитым рудознатцем. Упоминание о другом сыне Андрея — Василии Андреевиче — мы находим в одном из дневников В.К. Арсеньева [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.].

Семья Афанасия Цивилева (две души) переселилась в Приамурье в составе 2-й Пермской партии из Поташинского общества Поташинской волости Златоустовской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 159—161 об.; Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 15—15 об.].

Семейства Фёдора Баранова (три души) и Семёна Баранова (четыре души) (скорее всего, родственники, возможно, братья) переселялись в Приамурье в составе 1-й Пермской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 326—328 об.].

Семьи Якова Горшкова (шесть душ) и Петра Горшкова (три души) прибыли в Приамурье в составе 1-й Пермской партии [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325]. Оттуда же переселились и Воровы. Во всяком случае, Осип Воров отправился в Приамурье с семьёй в семь душ; возможно, переселившийся в район гавани Св. Ольги Степан Варов (Воров) — его сын или брат [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325].

В списках переселявшихся в Приамурье мы обнаружили семью Фомы Корзухина, отправившегося в далёкий край с семьёй в семь душ из Вятской губернии. Прибывший в район бухты Св. Ольги Иван Корзухин, возможно, его сын.

Непрокины (Непрохины) переселялись на Дальний Восток в составе 3-й Тамбовской партии. Это было семейство Игнатия Непрокина (Непрохина) [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191а. Карт. 2105. Т. 2. Л. 324—325], отправившегося в Приамурье с семьёй в пять душ из с. Захальского Тамбовской губернии. Вполне возможно, что прибывший в Приморье Иван Непрокин — сын Игнатия или другой близкий родственник.

Далее мы вновь обратимся к рапорту чиновника Бровцитина, который сообщил о первых шагах по устройству амурских крестьян в районе бухты Св. Ольги:

«Для своего поселения крестьяне выбрали: одни окрестности поста (Св. Ольги. — Ю.А.), другие — долину р. Аввакумовки.

Первые хотели поселиться в самой Новинке, но я долго препятствовал этому по причинам: что они избрали [место] в 3-х верстах за Новинкою, но новинковские крестьяне стали просить меня выслать их ещё дальше или разрешить поселиться в самой деревне, опасаясь что крестьянский скот, если будет пастись в разных местах, будет портить их неогороженные пашни и произойдут споры за землю. Имея в виду, что если крестьяне поселятся в самой Новинке, то пашни они смогут иметь на тех же самых местах, где бы они их имели при постройке за 3 версты, я разрешил им поселиться в деревне Новинка. Для крестьян выгодно будет, удобно сбывать на проходящие суда разные продукты. С другой стороны, и судам будет удобно.

В д. Новинке проживает ныне 11 семей в количестве 79 душ обоого пола и три поселенца из коих два из поста, а третий из Николаевска. И так в д. Новинке... 15 душ обоого пола, старых поселенцев 5 чел., пришедших ныне 4 чел. бессрочно отпускных матроса, 79 крестьян. Итого 103 души обоого пола.

По долине р. Аввакумовки крестьяне разделились на три партии. Одни присоединились к бессрочно отпускным матросам, которые там жили семь человек, при них три поселенки и у одного двое детей. Итого 12 душ. К ним присоединились 54 души мужского и женского пола. Крестьяне преимущественно вятские.

Вторая партия поселяется в 2-х верстах от первой ближе к посту на правой стороне притока р. Аввакумовки в числе 36 душ исключительно из пермских крестьян.

Около поста Ольга крестьяне поселились преимущественно зажиточные. Около поста много удобных для земледелия земель, которые несколько ограждены от влияния морских туманов.

При дальнейшей присылке переселенцев в гавань Св. Ольги, по-моему, не следует давать им селиться ближе Аввакумовской долины. Дальше по направлению к Владивостоку и Уссури достаточно удобной земли.

Крестьяне принялись за дело.

Вятская и пермская партии имеют наименьшее количество лошадей. Это затрудняет постройку домов для себя, хотя лес уже вырублен.

В пермской партии я дал казённую лошадь, оставшуюся у поселенца Ивана Непомнящего.

Для вятских поселенцев добыл у начальника поста почтовую лошадь, чтобы крестьяне поочерёдно вместе возили брёвна на этих лошадях. Таким образом будут образованы артели.

Постройка у крестьян д. Новинка идёт успешно. Они имеют наибольшее лошадей.

Сена для скота у всех крестьян запасено в достаточном количестве... На разработанной земле сеют яровую пшеницу, так как озимая здесь не даёт урожая. Поднять под пашню землю никаких затруднений...

Для прокормления крестьян в первые годы их пребывания я принял находящимся на Аввакумовке складе муки, завезённой туда прошлою зимою 1367 пудов 10 фунтов, количество достаточно на 9 месяцев.

Что касается до продовольствия крестьян д. Новинки, то они будут получать таковое из постовых складов. Всего потребуется для них в год муки 3500 пудов» [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 139].

Несмотря на определённые дотации от правительства, прибывшие с Амура крестьянские семьи сразу же приступили к посеву собственных хлебных культур [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 139].

В этот период в Новинке было 75 овощных грядок, 9 лошадей и столько же коров, 17 овец [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1238. Л. 138].

Обустройство на новом месте осуществлялось с большими трудностями. Об этом свидетельствуют воспоминания одного из потомков первых «ольгинских» крестьян-переселенцев Ф. Силина:

«Условия жизни первых переселенцев края были тяжёлые. Освоение глухой природы, сплошной тайги, обработка земли под пашню, вырубка леса, корчёвка пней. Применялся труд коллективно, по несколько семей разрабатывали, общими, силами, огородив от зверя, чтобы спасти урожай. По ночам по очереди караул, устроены деревянные штекучики — доска, по которой бьют, сеяли пшеницу, рожь и коноплю для одежды, пряли ткани...

...И стали строиться дома, дома строились зимой, покрывались, рубились высокими, клались печи без труб, дым шёл в избу, одним словом, прокапчивались.

Разрабатывали землю, копали копками и делали косули, которыми пахали. Это кривой берёзовый корень или клён, в общем, что покрепче. Бороны делали деревянные с деревянными зубьями...» [10, с. 108—109].

Несмотря на сложности адаптации к новому месту жительства, были и определённые преимущества, которые предоставляла дальневосточная природа, местная среда обитания. Вот как вспоминает об этом Ф. Силин:

«...А кругом дремучий лес, тайга, всякий зверь: олень, изюбр, кабан, коза и кабарга, лоси и сохатые. А из хищных: тигр, барс, медведь, шакал, рысь, кошка, хорь, соболь и разные мелкие. Из рыбы была сельдь, весной сима, горбуша и разные таймень, ленок, кунжа, форель разных пород...

...И рыбы было столь, что горбуша, сима, а также кета набивалась в реки и вымётывала икру и пропадала, что, не закрывши носа, нельзя идти, дно реки было покрыто икрой, сплошь красным было...

...Конечно, земля была новая, перегной был хороший, тёплый, всё росло, как на паре.

Дед говорил мне, что такое тут бывает, что 250 пудов с десятины, да и то мне приходилось испытывать самому на опыте. Хорошая новая земля давала до 150 пудов с десятины до 1877 года, всё росло хорошо, были семена, был и хлеб. Всего хватало» [10].

Обратимся к свидетельствам известного путешественника Н. Пржевальского, который в 1868 г. посетил бухту Св. Ольги и окрестные крестьянские деревни:

«К вечеру 7 декабря (1868 г. — Ю.А.) мы пришли в гавань Ольги, где я расположился в доме начальника поста...

[Пост], состоящий из церкви, двенадцати жилых домов и двух казённых магазинов, расположен в вершине бухты Тихая Пристань, составляющей часть гавани Ольги. Сама по себе гавань не представляет

особенной выгоды для стоянки судов, потому что имеет открытое положение и подвержена сильному волнению. Но зато бухта Тихая Пристань, которая глубоко (более версты в длину и около четырёхсот сажен в ширину) вдаётся в северо-восточном направлении внутрь твёрдой земли, составляет отличное место для якорной стоянки, так здесь всегда спокойно, даже в сильную бурю...

В окрестностях гавани Ольги расположены четыре наши деревни: Новинки, Фудин (не сохранилась), Арзамазовка и Пермская. В них поселены в 1864 г. крестьяне, первоначально жившие на нижнем Амуре, поселенцы с острова Сахалин... отставные матросы и солдаты.

Общая цифра всего этого населения доходит до 257 человек обоего пола.

По обширности и благосостоянию из всех четырёх деревень самая лучшая есть Новинки, лежащая в одной версте от поста при устье небольшой речки, называемой Ольга.

В этой деревне 25 дворов, довольно чистых и выстроенных по обе стороны широкой улицы, так что Новинки имеют довольно приличный наружный вид. Только избы поселенцев, за исключением двух-трёх, не подходят под общий строй и стоят какие-то ободранные, грязные.

Так как река Ольга часто разливается и затопляет свою долину, то почти все пашни крестьян находятся в пятидесяти верстах к северо-востоку от деревни в прекрасной и плодородной местности.

Остальные три деревни, Фудин, Арзамазовка и Пермская, расположены в долине р. Вай-Фудзин (Аввакумовка. — Ю.А.) в расстоянии — первая 15 вёрст от нашего поста, а две другие ближе к нему, каждая на две. Эти деревни несравненно хуже Новинки: избы большею частью не обстроены, некоторые стоят даже без крыш, и кроме того, пашни расположены в долине Вай-Фудзина, где вода их затопляет. Последнее неудобство принуждает крестьян искать себе поблизости другое место для селитьбы, безопасное от наводнения» [12, с. 178—179].

Характеризуя статистические данные по крестьянскому населению деревень, расположенных рядом с гаванью Ольга, Н.М. Пржевальский отметил, что на 1 января 1868 г. в самой крупной деревне в этом районе — Новинке (25 дворов) — проживало 136 чел. (68 мужчин и 68 женщин); у них было 59 лошадей, 60 голов рогатого скота, 49 овец, 26 свиней и 74 дес. обработанной земли. Следующей по населённости была деревня Фудин: 15 крестьянских дворов, 53 жителя (28 мужчин и 25 женщин); в их распоряжении было 15 лошадей, 12 голов рогатого скота, 14 овец и 33 дес. разработанной земли. Деревня Пермская в этот период состояла из 8 дворов, 34 жителей (21 мужчина и 13 женщин), у которых было 12 лошадей, 6 голов рогатого скота и столько же свиней, 20 дес. пашни. И наконец, всего лишь 5 дворов было в деревне

Арзамазовка, в которой число жителей (мужчин и женщин) и разработанной земли было аналогично деревне Пермской, но обеспеченность лошадьми (28) и рогатым скотом (14) у них была выше; свиней было меньше (3 шт.), но зато были овцы (16 голов) [12, с. 316].

Нормальное развитие ольгинских деревень было прервано сильнейшими наводнениями, случившимися в этом районе в 1870-е гг. Об этом свидетельствуют и воспоминания потомков первопоселенцев:

«...Но в 1877 году в лето 7 раз было... сильное наводнение... Все хлеба затопило и сено, уничтожило всё... осталось семян немного. Жить пришлось впроголодь... Хлеба не было... ну было мясо и горсть рыбы, а в хлеб тогда добавляли липовые гнилушки, жёлуди и орех... какую-нибудь ягоду... и разные травы. Этим и питались.

Тогда запасли немного, потому что всё лето шли дожди, поднялась вода, было поллета наводнение. И вот с 1877-го климат совершенно изменился, тогда зима была тёплая, снегу совсем не было. Мало упадёт и растает. Урожай был избит, и вот моряки рассказывали, что будто было, и холодное течение стало и даже по побережью, и климат изменился, стало холодно» [10, с. 108–109].

Как видим, трудности в обустройстве в немалой степени были связаны с незнанием особенностей местных природно-климатических условий и с их изменениями на протяжении жизни одного поколения. В частности, по воспоминаниям потомков первопоселенцев и свидетельству ряда информаторов 1970–1980-х гг., опрошенных нами, климат в прибрежных районах Приморья периодически менялся. Связано это с изменением направления тёплого течения Куроисио, проходящего частично вдоль южной части Дальневосточного региона.

К тому же пермские и вятские крестьяне не привыкли у себя на родине к обильным осадкам, а тем более паводкам в летний период, т.е. в те самые дни, когда необходимо было приступить к уборке уже созревшего хлеба. Для приморских же районов южной части Дальневосточного региона июльские и августовские ливни и периодические наводнения были обычным явлением, о чём свидетельствовали и доклады местного руководства. Так, из рапорта военного губернатора Приморской области от 8 августа 1868 г. мы узнаём: «Непрерывные, почти полтора месяца продолжавшиеся дожди и начавшиеся тропические ливни 12 и 13 числа произвели общее наводнение по всем долинам и разработанным пашням. Высота воды доходила до 2-х аршин...» [РГИА ДВ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 141. Л. 3].

Трудности обустройства, частые наводнения подрывали хозяйство крестьян. Им приходилось брать хлеб в долг у государства.

В марте 1870 г. начальник Аввакумовского округа Приморской области, в состав которого входили и все крестьянские деревни в окрестностях поста Св. Ольга, сообщал, что за крестьянами Аввакумовского округа

за розданный провиант числилось ещё до 1866 г. 28 250 руб. 13 1/4 коп. Но и в марте 1870 г. долги эти ещё не были выплачены. Должниками были 68 семей из деревень Новинка, Фудин, Пермское, Арзамасовка. Крестьяне этих деревень оставались ими до 1882 г. [РГИА ДВ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 141. Л. 42, 44].

Из-за частых разрушительных наводнений часть крестьянских семей в 1878 г. решила переселиться дальше на юг Приморья, в с. Шкотово Южно-Уссурийского уезда Приморской области. Это были семьи Арзамасовых, Горшковых, Колягиных, Толкановых [РГИА ДВ. Ф. 103. Оп. 2. Д. 38. Л. 5].

Оставшиеся крестьянские семьи продолжали осваивать этот уголок приморской земли. Приходилось довольно трудно и не только из-за наводнений: за два десятилетия выработали свой ресурс имевшиеся у крестьян сельскохозяйственные орудия.

18 июня 1875 г. находящийся в посту Ольга исполняющий одновременно должности начальника Ольгинского поста и Аввакумовского округа есаул Лохвицкий в своём рапорте военному губернатору Приморской области сообщил следующее:

«Представляю... Вашему Превосходительству докладную записку и поручительство крестьян вверенного мне округа, я со своей стороны считаю долгом доложить Вашему Превосходительству, что крестьяне действительно крайне нуждаются в хлебопашечных инструментах, которых в Ольгинском посту в продаже нет. И если Ваше Превосходительство изволит делать распоряжение о высылке хлебопашечных инструментов, изложенных в докладной записке крестьян вверенного мне Аввакумовского округа, то сумма, израсходованная на этот предмет, будет тот час возвращена из денег, причитающихся крестьянам за доставленные ими дрова на суда Сибирской флотилии за прошлые годы, которые деньги в количестве 1423 руб. 75 коп. хранятся в настоящее время в денежном ящике, а также ожидается получение денег за таковые же дрова за прошлый 1874 год в количестве 600 руб., а всего крестьянам причитается 2083 руб. 75 коп. О распоряжении Вашего Превосходительства буду ждать предписания» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 361. Л. 1—1 об.].

Докладная записка на имя Лохвицкого, составленная по просьбе крестьян деревни Фуденя (Фудин. — Ю.А.), в посту Св. Ольга 16 июня 1875 г., гласила:

«Так как мы проживаем в здешнем месте уже 11 лет, но не имеем средств как более развития своего хозяйства, как должно быть настоящему крестьянину, по невозможному приобретению в Ольгинском посту для нас инструмента для разработания земли, а именно: для хлебопашества не имеем железных плугов и для снятия хлебов железных серпов, а также для сенокоса кос (литовок) в чём и имеем крайнюю надобность.

Поэтому и осмеливаемся Вас покорнейше просить ходатайства Вашего Высокоблагородия, и помощи и развития хозяйства нашего, не возможно ли будет выписать из города Николаевска через Областное Правление вышеозначенные инструменты в количестве на каждое семейство по 1-му американскому плугу средняго размера по 5 кос и по 5 серпов обыкновенного размера, что и составит: тридцать один плуг, сто пятьдесят пять серпов и сто пятьдесят пять кос, а притом более имеем необходимую нужду в железе для разных хозяйственных поделок, которого также просим Вашего Высокоблагородия выписать в количестве 50-т пудов, а именно: двадцать пять пудов шинового и двадцать пять полосового.

За это мы все нижеподписавшиеся крестьяне обязуемся платить при доставке сих инструментов в Ольгинский пост нужную цену, которая будет предназначена или казною или откуда будет следовать. По безграмотству и по личной просьбе крестьян: Ивана Пермякова, Андрея Силина, Якова Горшкова, Степана Варова, Петра Горшкова, Максима Жданова, Петра Корзухина, Захара Гомоюнова, Андрея Гомоюнова, Елизара Толканова, Семёна Мякишева, Егора Арзамазова, Григория Кустова, Филимона Камарова, Корнила Комарова, Матвея Толканова, Василья Мятышина, Кузьмы Васильева, Максима Арзамазова, Андрея Кочергина, Дмитрия Пыркова, Ефима Жданова, Сергея Попова, Карпа Арзамазова, Константина Мамонтова, Семёна Баранова, Екима Арзамазова, Ивана Напрыкина, Петра Мамонтова, Евсея Лазулина, Пантелея Пестерева Ольгинской команды унтер-офицер Николай Кулаков руку приложил» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 361. Л. 2—2 об., 3].

Мы не случайно приводим полный текст этих документов. Их содержание свидетельствует о фактах жизни первых русских крестьян-переселенцев в пределах Приморья. Здесь, как пишут крестьяне, они живут 11 лет, следовательно, переселились в 1864 или 1863 г. На р. Амур, где они сначала обосновались и откуда перебрались в район бухты Ольга, для всех 250 переселявшихся семей было заготовлено среди прочих предметов хозяйственного обихода на каждое домохозяйство по два серпа и две косы-литовки, а также по одному железному сошнику [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 131. Л. 15—16].

Позднее коллежский регистратор Хомяков в своём рапорте военному губернатору Приморской области сообщил, что, выполняя распоряжение губернатора, нашёл в магазинах г. Николаевска-на-Амуре только 100 кос (приобретено у купца Бабинцева), 25 пудов полосового и 25 пудов шинового железа, поставленного в низовья Амура Восточно-Сибирским торговым обществом. В августе 1875 г. этот груз прибыл в Ольгинский пост [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 361. Л. 6, 13—14], а в сентябре этого же года шхуной «Алеут» было доставлено три плуга [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 361. Л. 11].

Таково содержание некоторых архивных документов и краткие комментарии к ним по освоению первыми русскими крестьянами одного из районов Южно-Уссурийского края (Приморья) в 1860—1870-е гг.

Сложности адаптационного периода вятских, пермских и тамбовских крестьян, переселившихся на побережье Японского моря, охарактеризовал в своих произведениях и дневниках и В.К. Арсеньев. В частности, он отметил, что практически крестьяне были предоставлены сами себе. Ближайшие населённые пункты находились за сотни вёрст; они один на один с бездорожьём, тайгой, безбрежным чуждым им океаном. Образовав небольшие селения, крестьяне по традиции посеяли хлеб в долине. Отсюда и начались их беды. Первым же наводнением смыло все зерновые, вторым унесло сено. Тигры съели весь скот и стали нападать на людей. Ружьё у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голоду, крестьяне нанялись в работники к китайцам, жившим на побережье. За работу в день получали фунт чумизы. Расчёт производился раз в месяц, и заработанную чумизу доставляли на себе в котомках за 68 вёрст. Старики долго не могли привыкнуть к новым местам, зато молодёжь довольно быстро приспособилась. Молодые крестьяне научились обращаться с оружием, стали великолепными стрелками и охотниками. Кроме копытных зверей, они добыли десятки тигров и медведей. Быстрое течение рек их уже не пугало; скоро они начали плавать и по морю. Занятие хлебопашеством постепенно отходило на второй план [3, с. 5].

Побывавший в 1890 г. в бухте Ольга и её окрестностях, вероятно, один из чиновников, опубликовал в газете «Владивосток» заметку под псевдонимом «Путешественник» и описал деревню Новинку и её обитателей. Правда, он почему-то считает, что в 1860-е гг. там было всего 5 дворов. Н.М. Пржевальский назвал в 1868 г. Новинку самой многодворной (25 дворов) деревней среди других «ольгинских» деревень; 5 дворов в то время он насчитал в Арзамазовке. Возможно, Н.М. Пржевальский ошибся в названиях деревень, назвав Новинкой Арзамазовку, а возможно, Новинка захирела и обезлюдела к 1890 г. Думается, что дальнейшие архивные изыскания помогут восстановить истину. Но в 1890 г. Путешественник увидел Новинку малолюдной [8, с. 5].

Самой большой и зажиточной Путешественнику показалась деревня Пермская, в которой уже в тот период основным занятием крестьян стали таёжные промыслы. Хлеб для продажи им было сеять невыгодно в связи с отдалённостью рынков сбыта, а поскольку основной и неплохой доход давала промысловая охота, то хлеб сеяли только для внутреннего потребления. Не было в деревне Пермской и лавки, в которой крестьянам можно было бы приобрести всё необходимое для повседневной жизни. Основной заработок крестьян — это охота за пантами, иногда в течение года их продавали на сумму до 5000 руб. [8, с. 5].

Каким же увидел этот район Владимир Клавдиевич Арсеньев в 1906 г. и в последующие ближайшие годы?

Обратимся к дневникам экспедиции 1906 г., которая была совершена по маршруту «от ст. Шмаковка Уссурийской Жел. дороги по р.р. Уссуру, Улахе, Фудин, через хребет Сихотэ-Алинь на р. Аввакумовку к зал. Св. Ольги и далее по рекам, текущим в море до 45 [градусов] С.Ш. Бухта Терней, затем по р. Санхобе снова через Сихтэ-Алинь и по р. Иману к станции того же имени» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Одной из задач этой экспедиции было выяснение наличия и объёма колонизационного фонда и изучение возможностей поселения в обследуемом районе крестьянского населения. Вероятнее всего, эти работы выполнялись по заданию Переселенческого управления Южно-Уссурийского края. К тому времени запас земель в Приханкайской низменности и долинах рек Даубихэ и Улахэ практически иссяк. Между тем поток крестьян из центральных губерний России на восток страны ежегодно увеличивался. Нужны были новые земли.

В дневниках сохранились краткие наброски программы исследования колонизационного фонда:

«Количество семейств, могущих здесь поселиться. Земля, сорт травы на лугах. Окружающие леса, характерные породы. Затопляются ли эти места водой, разливы рек, наносы во время половодья. Подмыванье берегов. Высота разливов, наблюдаемые по стволам деревьев, по наносному валежнику, илу и мусору. Сведения, почерпнутые по этому вопросу от туземцев. Количество воды, цвет, качество, вкус ея. Палы, богатство зверя и рыбы, замерзает ли речка, нет ли горячих ключей. Хлеб и туманы. Санитарные условия, пьяный хлеб. Болезни на лошадях и скоте. Дороги» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 42].

«...Описание и съёмка мест удобных для заселения. Предполагаемое количество семейств, могущих здесь заселиться. Почва — сорт травы на лугах. Окружающие леса, характер породы. Разлив рек: затопляются ли эти места водой. Сведения, почерпнутые по этому поводу от туземцев. Вкус воды, качество и количество, Санитарные условия. Пьяный хлеб. Прокладка дорог. Покосы» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 2].

Анализируя расположение и запасы земельного фонда, Владимир Клавдиевич обратил внимание на то, что одни стороны речных долин затапливаются во время разлива рек, а другие нет. «Правая сторона долины не затопляется, но она имеет мало пашен, левая затопляется, но зато сплошь покрыта пашнями» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 2].

Эти природные особенности давно были подмечены местными крестьянами, которые, как известно, разливы рек использовали для того,

чтобы получить наносный слой в качестве природного удобрения. На это не требовалось трудовых затрат.

«На расспросы вообще о наводнениях как русские крестьяне, так и китайцы показали, что малая вода вреда не приносит, а скорее пользу, потому что после этого отлично родится хлеб» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 53 об.].

В.К. Арсеньевым были обследованы долины ряда рек — Вай-Фудин (Аввакумовки), Арзамазовки, Тавайзы, Адими, Лингоу, Игоу, Сандагоу, Лутингоу, Сюричи, Иодзыхе, Тадуши, Ахобэ и др. При осмотре бассейнов этих рек на пригодность к колонизации В.К. Арсеньев прикидывал, сколько можно поселить в том или ином месте семейств, создать деревень или хуторов. Он определял качество земли и глубину пахотного слоя; виды травы на лугах и покосах; собирал сведения о лесах, количестве деревьев и их породах; о реках, в том числе частоте наводнений, наносах и разливах; питьевой воде, её количестве и качестве летом и зимой; степени распространения кровососущих насекомых и других условиях жизнедеятельности будущих поселенцев [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 41 об.].

«На пути от р. Ахобэ до р. Мутухэ... четыре небольших речки, текущие непосредственно в море. Это Игоу, Лингоу, Сандагоу и Ситагоу... Здесь может быть несколько хуторов...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 53].

На самой р. Ахобэ, в её низовьях и в верховьях, как полагал В.К. Арсеньев, можно создать две деревни в 20 дворов, так как, по его мнению, в этих местах хорошо росли пшеница и овёс. Долины указанных рек небольшие, поэтому он прогнозировал образование населённых пунктов с количеством дворов от 8 до 30. В большинстве случаев исследователь отмечал слабое плодородие почвы, частые разливы рек во время сильных дождей и сложность в обработке земли из-за природных условий.

Осматривая долину р. Арзамазовки, в низовьях которой уже жили «амурские» крестьяне, В.К. Арсеньев находил восточные и северо-восточные части этой долины малопригодными для заселения «вследствие своей узкости, разлива ручья болотистых берегов, стеснённых горами, что же касается до западных, хотя и пологих увалов, то они заросли редким лесом, который придётся новосёлам корчевать, а во-вторых, обилие таволожника делает и хорошую чернозёмную почву почти невозможной для обрабатывания, так как длинные толстые корни этого растения не поддаются разрезанию их плугом...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 83]. В итоге большинство долин малых рек В.К. Арсеньев определил как малопригодные или совсем непригодные для колонизации. Правда, были и некоторые исключения. В частности, долину небольшой по протяжённости р. Широкой, впадающей в р. Арзамазовку, в ни-

зовьях которой поселились выходцы с р. Амур, Владимир Клавдиевич оценил как вполне приемлемую для устройства небольшой деревни [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 47—47 об., 48].

В то же время для занятий хлебопашеством долины более крупных рек были, по его мнению, вполне пригодны, чего нельзя сказать о склонах сопок [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 84—84 об., 85]. Почву по всему краю он отмечал как «рыхлую, тёплую и сырую летом и сухую, твёрдую и холодную — осенью и зимою» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 7. Л. 65].

О долинах более крупных рек, например Иодзыхе, Тадуши, Ли-Фудзин, в целом отзывы были у Владимира Клавдиевича неплохие. О крупной для этих мест р. Иодзыхе он сообщал в дневнике: «...в районе р. Иодзыхе очень мало было оводов, паута и гнуса вообще. Это очень привлекает переселенцев» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 6].

В низовьях р. Иодзыхе В.К. Арсеньев считал возможным создать «две деревни по обе стороны реки. Каждая до 30 дворов...». Земля здесь была «отличного качества, чернозём 6 вёрст и сажень, глубокий слой. Ил. Подпочва песок и галька», трава — «...тростник, сладкий пырей, горошек...». «Лесу мало. Редкие дубовые перелески в горах... Следов наводнения нет. Протока служит каналом для спуска воды... Вода солёная. Пресную можно брать в достаточном количестве из ручьёв и колодцев». Выше по р. Иодзыхе он считал возможным образовать «три деревни каждая по 30 дворов. Одна вверху, две ниже по обе стороны долины... на увалах чернозём и суглинок. Внизу чернозём и песок. На увалах разнотравье... Дуб на горах... По берегам реки и проток разный лес... В течение 17 лет один раз было наводнение. Протоки спасают долину от потопов. Воды много, пресная, вкусная. Зимой берут из реки и прорубей» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 41].

Характеризуя долины р. Вай-Фудин и Тадуши, В.К. Арсеньев отметил там немало мест, удобных для создания больших деревень [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 42], и хорошие условия для развития пчеловодства [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 42 об., 44 об., 45—45 об., 46, 57 об.].

Путешествуя по интересующему нас району, Владимир Клавдиевич описывает в целом так называемый Ольгинский стан и отдельно пос. Ольга и окрестные деревни.

В начале дневника № 1 за 1906 г. В.К. Арсеньев приводит статистические сведения по посту Св. Ольга и окрестным деревням за 1900 г. Возможно, эти данные он получил на посту Св. Ольга, а возможно — в г. Владивостоке, так как к каждому путешествию Владимир Клавдиевич тщательно готовился и собирал уже имеющиеся сведения о районе исследования.

«Статистика экономических данных. 1900.

...Пост Св. Ольги... Число жителей 67/47 (очевидно, мужчин и женщин. — Ю.А.). Вероисповедание — православные. Родившихся — 3, выселившихся — 3. Число церквей — 1, школ — 1, лавочек — 2, кумирен — 1. Возделываемой земли — нет. Покосных лугов — нет, кабаков и ханшинных заводов — 1.

Дер. Пермская. Православные, число браков — 5, родившихся — 10, умерших — 2, школ — 1, учеников — 17.

Дер. Фудин (Павловка). Православные. Родившихся 2, умерших 1» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 7].

К сожалению, В.К. Арсеньев не указал общее количество населения Ольгинского стана в тот период и его состав. Возможно, исследователь и не располагал этими сведениями. Зато при посещении района в 1906 г. такие данные были ему известны.

«В стане православных 666 мужчин и 542 жен. Раскольников 34 и 23. Лютеран 2 муж., католиков 2 муж. Раскольников, приемлющих священство, 34 муж. и 23 жен., т.е. все. Во всем стане браков было 10. Родившихся 51 чел., умерших 11, переселившихся 22, выселившихся 8, общая прибыль людей 54» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 об.].

Населения было бы гораздо больше, если бы в 1878 г. 35 крестьянских семей из Новинки, Пермского и других ольгинских деревень не перебрались в Цимухинскую волость Южно-Уссурийского края — в пос. Шкотово. Основная причина, по которой крестьяне покинули Ольгинский стан, — частые и обширные наводнения. В результате население значительно сократилось, а иные деревни практически опустели.

«Частые и сильные наводнения от разлива рек бассейна Св. Ольги заставили поселившихся крестьян переселиться в другое место... В Новинке же остался только один жилой двор, существующий и поныне, обыватели его занимаются разведением огородных овощей...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а об.].

Во время путешествия 1906 г. Владимир Клавдиевич приводит экономические данные как в целом по Ольгинскому стану, так и по его отдельным населённым пунктам: количество отведённой крестьянам и общественным учреждениям земли, в том числе занятой под посевы зерновых, огороды, покосы, а также удобной, но необработанной; структуру и количество посеянных злаковых и иных культур; наличие разного скота и некоторые другие статистические сведения.

«Во всём стане посеяно было пшеницы 4240 пуд., ячменя 16, гречи 939, картофеля 1694, остальных хлебных 80 пуд. Овса 2068 п. Торговых растений 59 п. Земли отведено в Ольге Церкв[и] и Школ[е] 1305 дес., крестьянам 5534 дес., аренд. крестьян 40 д.; в Пермском отведено крестьянам 396 дес., в Фудине — 1492 дес. Школ в Ольге — 1,

в Пермском — 1. Мельниц в Ольгинском стане — 2, в сутки каждая может смолоть 5—25 пудов, имеет доход около 300 руб. в год... В Пермском и Павловском (Фудине) земли усадебной $6\frac{3}{4}$ дес. Под садом и огородом $13\frac{1}{2}$ дес. Пахотной $102\frac{3}{8}$... покосных лугов $84\frac{1}{2}$, удобной, но необработанной земли 5046 дес. (всего 5314 дес.)... В Ольге лошадей 51 + 2, рогатого скота 45 + 4, овец 3 + 11, свиней 23 + 5; в Пермском лошадей 133, рогатого скота 112, овец 84, свиней 29. В Павловском лошадей 40, рогатого скота 355, овец 25, свиней 8» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а об.].

Хотя динамика демографических изменений в районе бухты Св. Ольга на начало XX в. нам неизвестна, последующие дневниковые записи путешественника свидетельствуют о том, что в связи с определёнными социально-экономическими и административными изменениями — перенесением военного поста из бухты Св. Ольга во Владивосток, отъездом, как уже говорилось, в 80-х гг. XIX в. более трёх десятков семей крестьян из Ольгинского стана — район стал гораздо малолюднее и приходил в упадок.

«Пост Св. Ольги: с тех пор как военный порт из Ольги был перенесён во Владивосток, процветанию этого уголка был положен конец. Пароходы перестали заходить, торговля морской капустой и обмен, торговля товарами стала падать, и жители из дер. Новинки стали переселяться в другие места. Тем не менее около военного поста стали появляться частные постройки запасных и отставных нижних чинов. В настоящее время Ольга — это не деревня и не село, ибо земли для населения жителей не нарезано и не отведено. Поэтому местные жители земли не распахивают, покосами не занимаются, не сеют, не жнут и не собирают в житницы, но все строят дома, хотя бы и в долг, в надежде, что рано или поздно каждый аршин земли будет дорого стоить. Два года войны наложили тяжёлый отпечаток на экономическое благосостояние этого совершенно в то время отрезанного уголка Уссурийского края: на всё поднялась дороговизна, и даже предметы первой необходимости: сахар, соль, керосин и свечи — нельзя было достать ни за какие деньги. Это же сказывается и в настоящее время за отсутствием правильных пароходных сообщений с Владивостоком» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а об.].

Что касается сельского хозяйства, то менее всего в исследуемый период оно было развито в пос. Ольга. Жители не занимались ни садоводством, ни пчеловодством (кроме сбора мёда от диких пчёл), не говоря уже о выращивании злаковых.

«Садоводством в Ольге жители не занимаются и опыты в этом деле никто не делал, хотя дико растущие яблони, груши и ягодные кустарники и травы указывают на возможность разведения садоводства. Пчеловодством жители тоже не занимаются, а предпочитают добывать

дикий мёд самым варварским и хищническим способом. Этот мёд добывается в изобилии, но по своим качествам он уступает домашнему» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 34 об.].

В то же время окрестная тайга могла дать прекрасный по качеству строевой и поделочный лес, различные съедобные дикоросы, однако, судя по дневниковым записям, жители в товарных целях использовали только грибы. Да и торговля, особенно русских, так же, как и в конце XIX в., была недостаточно развита.

«Леса в стане преимущественно красных пород, как то: кедр, сосна, ель, тис дуб, берёза (чёрная и белая), бархат, ильм, вяз, липа, ольха, ива (разных видов), верба, осина, акация, орех, яблоня, груша, черёмуха, ягодные кусты, сирень, шиповник, дикий виноград, красная смородина, малина, брусника, голубица и масса других цветущих растений. Имеется много белых грибов, груздей и др.

Грибы жителями заготавливаются впрок для продажи. Торговля в стане незначительная, имеется всего 6 лавочек: 2 русских и 4 китайских с годовым оборотом в 17 900 руб.» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71б].

Несколько лучше в экономическом отношении обстояло дело у крестьян.

Следует отметить, что начиная с 1901 г. на Дальний Восток хлынул поток так называемых крестьян-новосёлов, которые по утверждённым 22 июня 1900 г. новым «Временным правилам для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» наделялись не 100-десятинным семейным наделом, как крестьяне-старожилы, а 15 десятинами удобной земли на мужскую душу.

Усилившееся разорение российской деревни выталкивало из родных мест не только крестьян-середняков, преобладавших среди переселенцев до 1900 г., но и беднейшие слои крестьянства. Для последних переселение в Сибирь и на Дальний Восток становилось практически единственной надеждой выжить в сложившейся ситуации.

Переселенческий поток крестьян-новосёлов формировался в основном выходцами из украинских и отчасти центральных земледельческих губерний. Устраивались они на новых местах с большими трудностями. К началу XX в. хлебородные и открытые полустепные места Дальневосточного региона были заняты, и новосёлам приходилось селиться либо в таёжной местности, либо на побережье Японского моря. Так получилось и с районом бухты Ольга. К 1906 г. в Ольгинском стане жили не только потомки русских крестьян из Вятской, Пермской и Тамбовской губерний, но и украинцы из различных украинских губерний. Характеризуя это население, В.К. Арсеньев отмечал в дневнике: «Население стана состоит из крестьян-переселенцев из Европейской России,

преимущественно Киевской и Черниговской губ., и частью из переселенцев из низовьев р. Амура, затем из инородцев: китайцев, корейцев, тазов» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71б].

И хотя В.К. Арсеньев отмечал, что крестьяне занимаются в основном земледелием и лишь отчасти таёжными промыслами, земледелие, очевидно, было характерно для деятельности украинских крестьян. Что касается потомков «амурчан», то они под влиянием местных экологических условий изменили своё традиционное хозяйственное направление в пользу промыслов.

«Крестьяне преимущественно занимаются хлебопашеством, отчасти охотой и рыбной ловлей. У крестьян села Пермского и Павловского (Фудина) охота и рыбная ловля составляют почти главное занятие. Добыча охоты: мясо диких животных, зверовые шкуры и панты (молодые рога изюбрей и оленей) скупаются на месте русскими и китайскими торговцами и сбываются во Владивосток. Рыбный промысел: ловится большею частью кета и сельдь и идёт большею частью на нужды населения, а частью вывозится в г. Владивосток. Излишек хлеба как крестьянами, так и китайцами сбывается на месте торговцам-китайцам, которые на шаландах отправляют его во Владивосток...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71б].

Охотничий промысел, по свидетельству Владимира Клавдиевича, был развит особенно у крестьян Пермской деревни. В 1906 г. основную часть хлеба они покупали у украинцев, живших южнее Ольгинского стана.

«Почти все крестьяне — охотники, добывающие себе значительные заработки убоим зверя. Это послужило к тому, что у них не было своих пашень и хлеб они покупали в Пхусуне у хохлов. Тут же сказалась недостаточность земель, удобных для пахоты, ибо долина р. В. Фудина заливалась постоянно водою после больших дождей» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 3б].

В то же время у тех крестьян, которые продолжали заниматься хлебопашеством, значительное развитие получила захватно-заимочная система хозяйствования.

Землепользование на юге Дальнего Востока было обусловлено, с одной стороны, формой государственной власти в России, с другой — специфическими особенностями Приамурья и Приморья с их обширными незаселёнными землями и громадным природным потенциалом. Основной формой сложившегося в Дальневосточном регионе крестьянского землепользования было вольное пользование землёй, отведённой обществу: захватно-заимочное, купля-продажа и в начале XX в. лишь в отдельных сёлах — передельное. В нераздельном пользовании общества находились только лесные участки и выгоны для выпаса скота. Пахотные же земли и сенокосные угодья каждый крестьянин

захватывал столько, сколько мог, и община в этот процесс длительные годы не вмешивалась. Право первого захвата земли было довольно распространённым у старожилов-стодесятичников. Захваченная, распаханная или ещё не разработанная земля формально считалась собственностью дальневосточного крестьянина. Он мог её сдать в аренду и даже продать.

Захватно-заимочная система хозяйствования позволяла вести освоение новых угодий с опорой на ранее созданные и уже обжитые населённые пункты. Со временем сезонные поселения разрастались в постоянные, как это имело место на Урале, откуда, скорее всего, и был перенесён этот опыт уроженцами Пермской губернии. Заимки, являвшиеся одновременно и малодворным поселением, и формой землепользования, основывались практически около каждой деревни. Они могли обслуживаться силами членов семейного клана и наёмными работниками из числа крестьян-новосёлов, но в условиях Дальнего Востока чаще — корейцами и китайцами. В Дальневосточном регионе заимки выступали прежде всего как составная часть механизма его освоения, как форма земледельческой колонизации, поскольку крестьяне могли бросить свои основные поля либо из-за их истощения, либо в силу природных катаклизмов (наводнения). После истощения заимочной земли её забрасывали и переходили на новые участки. Таким образом, при организации заимочных поселений русские крестьяне использовали найденные ранее на Урале и в Западной Сибири оптимальные пути вовлечения в хозяйственный оборот новых земель и освоения природных ресурсов региона.

Были заимки и у крестьян селения Пермское, в частности в пади Широкой у р. Арзамазовки. Описывая их в своём дневнике, Владимир Клавдиевич точно подметил основные черты захватно-заимочной системы землепользования дальневосточников, ставшей уже традиционной.

«Р. Арзамазовка до П. Широкой. По долине крестьянские заимки... Крестьянские заимки молодые, но богатые. Земли возделывается много преимущественно под пшеницу, гречиху и овёс. Земля у крестьян считается общественной, но пашет каждый, где вздумал и сколько хочет. На заимках живут сторожа без особого достатка, но и не нищенствуют. Образованию здесь заимок послужили частые разливы р. Вай-Фудина и отсутствие удобных для пахоты земель близ Д. Пермской. На заимках держатся крестьянами лошади только рабочие» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 35].

При характеристике деревни Пермской В.К. Арсеньеву удалось подметить ещё сохранившиеся и в начале XX в. патриархальные черты жизни пермских крестьян, протекающей в связи со значительной удалённостью от центральной части Южно-Уссурийского края размеренно

и спокойно. К этому времени они уже полностью адаптировались к местным природно-климатическим условиям, взяв за основу своего хозяйствования таёжные промыслы. Их повседневная жизнь строилась на положительных нравственных основах крестьянского уклада с опорой на православие и стремление приобрести новые знания для улучшения своего быта.

«Деревня Пермская. Старинная деревня, относится ко первоначальным поселениям русских людей в Уссурийском крае. В настоящее время она немного как бы остановилась в своём развитии и росте. Причиной тому опять-таки то же, что остановило жизнь и в заливе Св. Ольги (изолированность во всех отношениях и отсутствие каких бы то ни было сообщений с западную часть Уссурийского края). Экономическое состояние Пермских жителей не заставляет желать ничего лучшего. Эта деревня положительно может служить примером и образчиком для всех крестьян. В нравственном отношении это все люди очень религиозные, сами они в Ольге построили церковь, содержат причт и добровольно, доброхотно поддерживают благосостояние церкви. Затем в деревне они выстроили школу, наняли учителя и всячески стараются дать образование своим детям. В каждой избе не только у ребятишек, но и у взрослой молодёжи — книги вроде популярной географии, хрестоматии. Все они почти грамотны, достаточно начитаны и развиты, вместе с тем они интересуются техникой, применяя тотчас же у себя всё что можно из открытий в этом отношении, интересуются минералогией и даже ботаникой. Кабака у них нет и пьянства не бывает. Они стыдят и преследуют того, кто позволяет [из] них ругаться площадною бранью. В довершении — гостеприимство, вежливость, солидность и положительность» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 35—35 об., 36].

Безусловно, крестьяне из деревни Пермской начала XX в. — это в основном потомки первопоселенцев, прибывших на Дальний Восток из Пермской губернии, главным занятием которых было земледелие. Основное средство существования крестьян начала XX в., адаптировавшихся к местным условиям, — охотничий промысел. Большой доход давала добыча пантов — молодых, ещё мягких рогов оленей, употреблявшихся китайцами в медицинских целях. Вот что писал в своём дневнике № 1 24 июля 1906 г. Владимир Клавдиевич: «...Ценность пантов пятистого оленя здесь, в районе Ольгинского стана, чрезвычайно высока, 300—1200 руб., и нужно сказать правду, есть за что платить такие деньги. Виденные мною панты были колоссальных размеров: длина 50 сант., ширина между рог у основания 80 мм и толщина 22 сантим., при этом они только начали наверху раздвояться и весили 11 фунтов. Цвет их светло-жёлтый, мягкие и влажные. Панты эти продали за 470 руб., причём в этом году цена на панты, по словам торговцев, удивительно

низкая. Братья Пятышины продали 5 пар пантов за 2200 р. Одна пара обошлась средним счётом по 440 руб. Вот что значит зверь, выросший на воле и имеющий корму в изобилии и летом, и зимою...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 об.; Д. 3. Л. 3 об.].

Несмотря на отличные доходы от таёжного промысла, охотники не занимались хищническим истреблением животных. Крестьяне сёл Пермское и Фудин послужили примером довольно важного начинания, отвечавшего требованиям рациональной охраны природы.

«Здесь впервые среди крестьян самостоятельно созрело сознание и понятие о ведении правильного охотничьего хозяйства. Они сходом порешили отвести себе заказник, беречь его всячески и в особенности не бить оленей и изюбрей во время гона и рёва при помощи рожка, и вообще не избивать всяких зверей и птиц хищническими способами. Живут они безбедно, долгов не имеют, вполне довольны своим положением и благодарят Бога.

Около поста Св. Ольги есть село Пермское, образовавшееся из первых переселенцев для занятия Уссурийского края русскими. Крестьяне этого села народ трезвый и разумный. К охоте они относятся весьма серьёзно и, что интереснее всего, заботятся о сохранении зверя и вообще об охране дичи. Факт очень интересный и достойный быть отмеченным в делах охотничьих обществ. Факт этот интересен потому, что крестьяне в посту Св. Ольги, буквально оторванные от России и культурной цивилизации, в течение 50 лет сами дошли до сознания о введении если не законов, то хотя бы своих временных правил о рациональном ведении охотничьего хозяйства. И это в Сибири, где законов на охоту нет, и это в Государстве, которое до сих пор не ввело такой весьма ясной, простой, прямой, разумной меры, и это в Краю, где два Охотничьих Общества процветают на своей личной эгоистической почве. Крестьяне собрали сход и миром решили не бить: самок, телят... зимой самцов и в особенности осенью, во время гона и рёва, не тревожить зверя весной, когда самки тяжёлые или выхаживают молодняк. Кроме того, крестьяне решили устроить заказник, для чего сами установили условные границы и обязались там не охотиться. Об этом пронюхали наезжие охотники хохлы из других деревень и начали там бить оленей безнаказанно. Крестьяне Пермские и Фудинские произвели несколько арестов и подали жалобу на обидчиков и нарушителей их права. В ответ на это от полицейской и местной администрации последовало распоряжение прямо-таки дикое, следующего содержания. Так как заказник, устроенный крестьянами, находится не на своей земле, а на казённой, и притом он не есть утверждённый законный, то заказника там нет, о чём извещают всех окрестных жителей, и бить оленей там вправе каждый прохожий сколько угодно. Теперь крестьяне, кажется, подали прошение

Генерал-губернатору. Охотничьи общества должны поддержать крестьян. Ибо этот их первый шаг очень важен с точки зрения введения правил об охоте в Сибири и сохранения зверя вообще от избиения и оленей в особенности» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 36].

В дневнике Владимира Клавдиевича за 1906 г. мы находим ещё некоторые, хотя и «усечённые», сообщения о д. Пермской и пос. Ольга. Это отрывки сведений по программе наблюдений над периодически явлениями природы, собранные хорунжим Анофриевым. К сожалению, материал в дневнике приводится отрывочно, отсутствует возможность прочитать сами задаваемые вопросы, поэтому их содержание в определённой степени строится на догадках. Тем не менее приведённые данные дают некоторые представления об отправных датах аграрного календаря крестьян и в целом о состоянии сельского хозяйства в этих населённых пунктах.

«...половине марта, конец — 15 апреля (очевидно, начало полевых работ. — Ю.А.)... Снег выпадает в конце декабря или в январе и больше не бывает... Весна — дождливая, осень — сухая, лето — дождливое, зима — холодная... середина мая и до 15 сентября — 1 октября; начало сенокоса 10 июля, конец вплоть до первых морозов (выгон и период пастьбы скота. — Ю.А.)... пчёлы дикие... садов плодов[ых] нет... растут крыжовник, малина, смородина для собственного потребления... пчельников в вышеоз[наченной] деревне нет и мёд добывают диких пчёл в тайге... зверей бьют главным образом в виде промысла, преимущественно олень, изюбрь, коза, кабан и проч. ... Птиц нет... [рыболовством] занимаются одиноко, семейно, а также и целым обществом с участием каждого в улове. Рыба преимущественно кета, горбуша, сельдь... Кета, горбуша с 1 сентября, сельдь в мае. Сбыт во Владивосток... Ремёслами не занимаются... В Ольге имеется один кирпичный завод... В Фудине нет, в Пермском лавка (мелочная), в Ольге один кабак и лавка (мел[очная])... Все дома деревянные, так как под рукой масса строительного леса... Крыши делают преимущественно из цинка... Отапливаются дровами... Селение построено просторно... В Ольге церковь из дерева... Школа в Пермском и Ольге, один учитель на 2... Почта...» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—2 об., 3].

Таковы общие сведения в дневнике № 1 В.К. Арсеньева о районе бухты Св. Ольга и окрестных крестьянских деревнях — первых русских сельских поселениях на берегах Японского моря в Южно-Уссурийском крае.

Владимир Клавдиевич не завершил полностью исследования всех долин рек Ольгинского стана, планируемого для изучения колонизационной ёмкости этого региона. К моменту его приезда многое уже было обследовано землемерами во главе с Рубинским, которого он встретил 30 августа 1906 г. В.К. Арсеньев принял решение перевалить Сихотэ-Алинь

и обследовать реки, берущие начало с западных склонов этого хребта: «...узнав, что по р. Арзамазовке все места для поселений не только обследованы, но даже и нарезаны под деревни. Кроме того на эти места уже приехали и стали садиться новосёлы — я решил обследовать путь на р. Тадушу... Вообще вся система рек Аввакумовки, Арзамазовки и Тадуши... осмотрены землемерами, даже нарезаны участки, некоторые из них уже и заселяются» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 47—47 об.].

«Я встретил г-на Рубинского, которого сопровождал лесник. От него я узнал, что мне работать по вопросу о колонизационных заселениях Уссурийского края по восточную сторону Сихотэ-Алиня нечего, так как он лично осматривает все долины реки, притоки их и доходит до верховьев их у перевалов. Вследствие этого я решил всё своё внимание по этому вопросу обратить на западные склоны Сихотэ-Алиня» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 142].

«После встречи с Г. Рубинским вопрос колонизационный в районе Ольги, Тадуши, Тютихэ, Ахобе, Мутухэ и т.д. надо считать окончательно решённым этим землемером, и потому в этом отношении здесь я работать не буду, а главное своё внимание перенесу на ту сторону Сихотэ-Алиня к Ното» [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 48—48 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М., 1997. 314 с.
2. Аргудяева Ю.В. Переселение русских на Амур в 1859—1861 гг. // Гродековские чтения: тез. науч.-практ. конф. 19—20 дек. 1996 г. Хабаровск, 1996. С. 17.
3. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Кн. I. Крестьяне. Владивосток, 2005. 312 с.
4. Аргудяева Ю.В., Тюнис Т.А. Этнодемографическая история сельских семей южной части Дальнего Востока России (по материалам метрических книг) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Владивосток, 1999. Т. 4. С. 128—146.
5. Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1961. 520 с.
6. Арсеньев В.К. Сочинения. Владивосток, 1947. Т. 1. 386 с.
7. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах. СПб., 1896. 165 с.
8. Владивосток. 1890. 19 авг. С. 5.
9. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640—1917): историко-демографический очерк. М., 1985. 260 с.
10. Ковальков А.П., Хохлов В.П. Силины. Сто сорок лет на Дальнем Востоке // Записки клуба «Родовед». Владивосток, 2000. Вып. 3. С. 6.
11. Осипов Ю.Н. Крестьяне-первопроходцы // Вторые чтения имени Г.И. Невельского. 19—23 сентября 1990 г. Некоторые вопросы истории Приамурья. Хабаровск, 1990. Вып. 1. С. 65.

12. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869 гг. Владивосток, 1990. 336 с.
13. Хохлов В.П. Астафуровы: материалы к родословной. Владивосток, 1996.
14. Арх. ОИАК (Арх. Общества изучения Амурского края).
15. ГАИО (Гос. арх. Иркутской области).
16. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Argudyaeva Yu.V. *Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. — nachalo XX v.)* [Eastern Slavs' Peasant Family in the South of the Russian Far East (50s of the 19th Century — Early 20th Century)]. Moscow, 1997, 314 p. (In Russ.)
2. Argudyaeva Yu.V. *Pereselenie russkikh na Amur v 1859—1861 gg.* [The Resettlement of Russians to the Amur in 1859—1861]. *Grodekovskie chteniya: tez. nauch.-prakt. konf. 19—20 dek. 1996 g.* [Grodekov Readings: Abstracts of the Scientific-practical Conference 19—20 Dec. 1996]. Khabarovsk, 1996, p. 17. (In Russ.)
3. Argudyaeva Yu.V. *Etnicheskaya i etnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). Kn. I. Krest'yane* [Ethnic and Ethnocultural History of Russians in the South of the Russian Far East (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries). Book 1. Peasants]. Vladivostok, 2005, 312 p. (In Russ.)
4. Argudyaeva Yu.V., Tyunis T.A. *Etnodemograficheskaya istoriya sel'skikh semey yuzhnoy chasti Dal'nego Vostoka Rossii (po materialam metricheskikh knig)* [Ethno-demographic History of Rural Families in the Southern Part of the Far East of Russia (Based on Materials from Parish Registers)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka* [Proceedings of the Russian State Historical Archive of the Far East]. Vladivostok, 1999, vol. 4, pp. 128—146. (In Russ.)
5. Arsen'ev V.K. *V debryakh Ussuriyskogo kraya* [In the Wilds of the Ussuri Region]. Vladivostok, 1961, 520 p. (In Russ.)
6. Arsen'ev V.K. *Sochineniya* [Works]. Vladivostok, 1947, vol. 1, 386 p. (In Russ.)
7. Busse F.F. *Pereselenie krest'yan morem v Yuzhno-Ussuriyskiy kray v 1883—1893 godakh* [Resettlement of Peasants by Sea to the South Ussuri Region in 1883—1893]. Saint Petersburg, 1896, 165 p. (In Russ.)
8. *Vladivostok*, 1890, August 19, p. 5. (In Russ.)
9. Kabuzan V.M. *Dal'nevostochnyy kray v XVII — nachale XX vv. (1640—1917): istoriko-demograficheskiy ocherk* [Far Eastern Territory in the 17th — Early 20th Centuries (1640—1917): Historical and Demographic Study]. Moscow, 1985, 260 p. (In Russ.)
10. Koval'kov A.P., Khokhlov V.P. *Siliny. Sto sorok let na Dal'nem Vostoke* [Siliny. One Hundred and Forty Years in the Far East]. *Zapiski kluba "Rodoved"*. Vladivostok, 2000, iss. 3, p. 6. (In Russ.)
11. Osipov Yu.N. *Krest'yane-pervoprokhodtsy* [Peasant Pioneers]. *Vtorye chteniya imeni G.I. Nevel'skogo. 19—23 sentyabrya 1990 g. Nekotorye voprosy istorii Priamur'ya* [Second Readings Named After G.I. Nevelskoy. September 19—23, 1990. Some Questions of the History of the Amur Region]. Khabarovsk, 1990, p. 65. (In Russ.)
12. Przheval'skiy N. *Puteshestvie v Ussuriyskom krae. 1867—1869 gg.* [Journey in the Ussuri Region. 1867—1869]. Vladivostok, 1990, 336 p. (In Russ.)
13. Khokhlov V.P. *Astafurovy: materialy k rodoslovnoy* [Astafurovs: Information for the Genealogy]. Vladivostok, 1996. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 15.02.2022